

каждом из них существовала своя церковь или в крайнем случае часовня, с которой связывались престольные праздники. На Вашке во всех деревнях было по два престольных праздника: один – осенне-зимний, другой – весенне-летний (часто в качестве святых, кому посвящались церковь, выбирались такие, чьи имена в церковном календаре повторялись: св. Николай: св. Егорий и др.). Внутри одной волости престольные праздники были разведены в году, они не повторялись ни в одном селе. На праздник в ту или иную деревню съезжались жители всей волости на три дня, останавливаясь в домах родственников. Летом сплавлялись на плотах и лодках, зимой приезжали на лошадях. Девушки и молодки привозили с собой по несколько перемен праздничной одежды. Более пышно обставлялись летние “съезжие праздники”, что объясняется природными условиями: длинные летние дни с белыми ночами позволяют долго гулять на воздухе.

Каждый день состоял из трех гуляний: до обеда, после обеда и после “павжны” (ужина). При этом девушки и молодки меняли костюмы. Гулянье начиналось после утреннего посещения церкви ритуализованными хороводами, представляющими собой своеобразную ярмарку невест. Именно во время этих хороводов родители приглядывали будущих жен своим сыновьям.

Открывалось гулянье хождением “в расхожу”, т.е. хороводом-шествием по деревне (по “мостам” – деревянным тротуарам). Девушки и молодки собирались в одно место, вставали рядами друг против друга, и молодки поклоном приглашали девушек в пару. Затем они шеренгами с пением лирических песен гуляли по селу. Кульминационной точкой в ярмарке невест было хождение их “в круг”: круг образовывали все жители и гости деревни, а внутри него изогнутой дугой под звуки специальных хороводных песен ходили девушки, взявшись за руки. При этом зрители “передёргивали” их, т.е. выстраивали по достоинству. Главными критериями в оценке невесты были: богатство ее костюма, умение петь песни и вести себя в хороводе.

Затем гулянье принимало более общий характер: “водили круги” (ходили кругом), в которых могли принимать участие все желающие, кроме самых пожилых. Темп все убыстрялся. Медленные круговые хороводы сменялись более быстрыми игровыми и фигурными. Каждый из них имел местное название: “бегать о платах”, “ходить с пережажинами”, “ходить кривульками”, “ходить утушкой” и т.п. Завершалось гулянье общей пляской с использованием различных фигур кадрили под песни или под гармошку. “Съезжие праздники” были по существу одной из главных форм культурного общения на Русском Севере.

Все то, о чем мы рассказали, удалось зафиксировать только благодаря бескорыстии и отзывчивости наших певцов, которые, несмотря на свою занятость, не жалея сил и времени, часами повествовали нам про старую жизнь и пели старинные песни. У них мы находили приют и в нашей кочевой жизни.

Провожали нас как родных, навязав в узелки пирогов и шанег, подолгу стояли на берегу реки и махали руками вслед отъезжающей лодке. А вот в последней деревне мы жили в огромном нежилом доме, который с трудом смогли натопить (при этом чуть не угорели). И таких домов на Вашке становится все больше и больше...

Помните?

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.
Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,

А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

...
Его свалил горбатый нож,
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на пражех,
Везут его на ток.

Ну, конечно же, это знакомое с детства стихотворение Роберта Бернса “Джон Ячменное Зерно” в превосходном переводе С.Я.Маршака. Каждый легко обнаружит в публикуемых русских песнях о хмеле как параллели к этим строчкам, так и фабульную общность самих произведений – наглядная иллюстрация международного характера данного сюжета. В его основе лежит древнейший мифологический мотив “умирающего и воскресающего божества”, известный земледельческим культурам Средиземноморья начиная с Древнего Египта.

Мы не будем останавливаться на его воплощениях, чрезвычайно многообразных в обрядовых, фольклорных и литературных традициях, отметим лишь, что в представленных текстах есть еще один мотив, распространенный в устной словесности народов мира, – мотив “силы хмеля”, который часто бывает представлен и совершенно самостоятельно от предыдущего. Согласно фольклорным побасенкам и анекдотам, пьянящий напиток заставляет калек (слепого, безногого, безрукого) забыть о своих увечьях: слепой обнаруживает способность видеть, безногий – бегать, безрукий – драться. В шотландской балладе Джон Ячменное Зерно всякий отвягу в людские сердца, гонит заботы, веселит сердце вдовы. В монгольском предании Чингисхан (которому и приписывается изобретение хмельного напитка), будучи пьян, принимает красный опорный столб в юрте за свою жену, обнимает и целует его. В русских песнях своего мучителя (“мужичину”, “мужика”) хмель ударяет “в тын головой”, сажает “в грязь и навоз бородой”. Здесь оба мотива, связанных с темой хмеля, соединены весьма органично, причем без дидактического налета, часто присущего народным повествованиям на данную тему.

С.Ю. НЕКЛУДОВ

ХМЕЛЬ – ВСЕМУ ГОЛОВА

ПЕСНЯ О ХМЕЛЕ И ТРАДИЦИИ
ПИВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Т.А. НОВИЧКОВА

Мед, пиво и квас относятся к древнейшим русским напиткам. Квас был широко распространен в быту: в X в. им пользовались в банях как водой. В отличие от будничного кваса мед и пиво – “олуи” – употребляли по праздникам и в дни поминовения усопших. Великая княгиня Ольга приказала дровянам наварить меда для тризны, устроенной ею на могиле мужа (“Повесть временных лет”, под 945 годом). В XIX в. пиво варили к свадьбе, поминкам, крупным календарным праздникам: Николе вешнему (9 мая), к “Казанской” (22 октября, праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы, установленный по случаю избавления Москвы от Литвы в 1612 г.), к Петрову дню (29 июня), к Успению (15 августа, Успение Пресвятой Богородицы), в канун Нового года (в Васильев вечер), к масленице и Пасхе.

В честь освящения храма на погосте варили общественное пиво, им угощали всех, пришедших после окончания службы. Здесь же заранее готовили общественную похлебку. В Череповецком уезде Новгородской губернии к такому дню пиво варила для продажи церковь: в Шенкурском уезде Архангельской губернии крестьяне варили пиво ко всем храмовым праздникам, длившимся четыре-пять дней. Еду со столов не убирали, все ходили друг к другу в гости, на пирах исполняли былины, баллады, исторические песни².

Пиво варили к так называемым заветным праздникам, установленным по поводу некогда происшедших бедствий: эпидемий, падежа скота, голода, неурожая и пожаров. Заветные праздники, близкие по значению к поминальным дням, называли также пивными, о каждом из них сохранялось местное предание – в связи с какими событиями он возник. Новгородцы начинали торжества с разжигания живого огня

(трением двух бревен друг о друга), от этого огня зажигали печи во всех домах селения. Пива варили много: бедные крестьяне – 10–15 ведер, богатые – 30–40³. Тех, кто не варил пива к заветным праздникам, жестоко наказывали (вплоть до избиений), даже если они ходили в церковь и служили молебны. Участие в приготовлении пива считали залогом от возможных бедствий в будущем.

Пивные праздники могли отмечать сразу несколько деревень, устраивая общественные пиры после обедни, на берегу реки, в традиционно используемом с этой целью месте. Для таких дней пиво варили заранее по деревням, затем свозили ведрами к условленному часу и обносили всех с большой чашей.

Сваренное к празднику или в память об усопших пиво (иногда подслащенное медом) называлось кануном, его ставили к иконам, освящали в церкви. М.Чулков упоминает об обычае накануне праздника Николая чудотворца свозить к каждой церкви бочонки с пивом. Хозяева, черпая из бочонков по кружке, подавали часть напитка в церковь, священники стивали его в ушаты – «сие-то пиво называется каноном»⁴.

Обычай устраивать канун в честь местного святого – покровителя того или иного селения или в память усопших был широко распространен в Сибири еще в начале XX в. К дню кануна съезжались родственники и знакомые в одну деревню со всей округи, человек до двухсот и более. Пиво варили на общественные средства, выбирая специальных «трудников», «желательных мужиков», которые загодя собирали по дворам муку, хмель. Выбирали пивовара и помощников. В Енисейской губернии можно было встретить общественные мирские поварни. Когда пиво было готово, звонили в часовенный колокол и рассылали «зватаев», скликавших под окнами народ на пиво⁵.

Особенно важную роль играло пиво в похоронных и поминальных обрядах. В сороковой день, провожая душу на тот свет, выносили стол на улицу и ставили на него чашку с пивом; если в это время присутствовал священник, то он служил литию. «Угостив» таким образом покойного, прощались с ним навсегда: по направлению к погосту с причитаниями шли женщины, за ними мужчины, посреди дороги делали земной поклон и возвращались домой.

В связи с ритуальной отмеченностью пива заблуждением выглядит его противопоставление меду как обыденного напитка сакральному, как «мертвой» и «живой» воды. В статье «Мед – пиво народной сказки» Л.С.Клейн пишет: «Обыденность пива, его постоянная доступность смертным, аттестует его как «мертвую» воду» (в отличие от «живой», божественной – меда)⁶. Дело вовсе не в доступности пива. Доступностью и гораздо меньшей закрепленностью за определенными праздниками обладала скорее водка, нежели пиво. Она появилась на Руси в конце XIV в. и лишь поначалу употреблялась в качестве лекарства. До времени правления Ивана III ее производство и продажа были свободными. Иван III совершенно запретил ее вследствие неумеренного потребления: в XVI в. Иван IV учредил для опричников первый кабак, позволив им пить сколько угодно, но остальным людям было разрешено потреблять водку только на Пасху, Рождество и в Дмитриевскую субботу. Думая о государственных доходах, Борис Годунов приказал отдать крепкие напитки на откуп, и в начале XVII в. во всех городах и селах появилось множество кабаков, или «кружечных дворов», где употребление спиртного не было ничем ограничено⁷.

Пиво оказалось в более выгодном положении по сравнению с поздней водкой и постепенно вытесняемыми с праздничного стола медами, которые заменяли привозные вина. Оставаясь традиционным напитком, необходимым в самых разнообразных семейных и календарно приуроченных обрядах, оно сохранило ритуальную чистоту изготовления и употребления. Символика хмеля сближалась с символикой хлеба: хмелем и зерном обсыпали молодых для счастья, богатства и здоровья. Хмель, положенный в салог, предохранял от порчи⁸. Пивом тушили божественный огонь – пожары, происшедшие от удара молнии (наравне с молоком от черной коровы)⁹. Пиво как «живая вода», сообщающая силу и здоровье, присутствует в эпических песнях и преданиях об Илье Муромце: «И прилучилося в день святителя Христова Николая чудотворца, пошли отец и мати в церковь Николая чудотворца молебенное пение совершати. А без них явися ему святитель Христов Николай чудотворец и рече ему: «Илия! Имаша ли что пити?» Он же рече: «Имам! Отец и мати варили пиво для праздника Господня Николая чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Илия, пити!» Илия рече ему: «Не могу, отче мои, востати на нози». Он же даде ему пити и рече ему: «Востани и ходи!» А сам невидим бысть. И от того часа встал, аки ни в чем не

бывал». В старинных побывальщинах об Илье исцеление сидня может произойти также благодаря Ильинскому кануну, то есть пиву, сваренному к празднику Ильи пророка¹⁰.

Чудодейственность, сакральность пиву придавала ритуальная обусловленность и связанная с нею регламентация поведения при изготовлении и употреблении этого напитка. Несоблюдение множества тонкостей варки и испития пива могло повлечь за собой несчастья: болезни, порчу молодых на свадьбе и т.д. Так, например, угощая пивом, нельзя наливать его через руку (то есть чтобы бутылка или иная емкость прикасалась к руке разливающего напиток): знающий человек, видя это, не станет пить, сочтя напиток «порченым»¹¹.

В роли оберега выступало свадебное пиво, таким оно предстает в приговорах дружки: «У нашего князя нареченного, у твоего сына любезного варено пиво пьяное, вожена вода с Соловецкого ключа», дровни были заонежские, солода ростовские¹². Когда хозяин варил пиво к свадьбе, то, «как будет запарить солод, кто-нибудь из домашних уходит на улицу и потом, возвратясь в избу, говорит: «С медом едут!» – «С медом и нужно! Милости просим! Сусло слаще будет», – отвечает хозяин. Лучше, если это скажет чужой человек. Когда в сусло кладут хмель, говорят: «Ну-ко, хмелюшко, принимайся за сусло». Приплясывая, хозяин трижды обходит чан, приговаривая: «Будь пиво пьяно, будь гости веселы!» Сваренное пиво берегли от взгляда и порчи. Проникнув в пиво, порча могла уязвить молодых, даже если они пива не пили. Когда невеста уезжала в дом жениха, ее родители садились за стол, наливали по стакану пива и накрывали их ладонями: отец правой, а мать левой. В таком положении они оставались до тех пор, пока дружки, проводив свадебный поезд до перекрестка, не возвращались назад, чтобы «поднять их с места». Тогда родители будущих супругов выпивали пиво. Весь ритуал объясняли тем, что «стариками дотеле заведено так»¹³. Дома невесту поили пивом из колокольчика, чтобы ей весело жилось дальше. Перед свадьбой жених с дружкой, подружьем и товарищами отправлялись в баню; после мытья товарищи поздравляли жениха «с княжеским телом и с княжеским саном», жених благодарил и угощал всех пивом и водкой. С этого момента его именовали князем. И для невесты устраивали баню, после выхода из которой угощали пивом и поздравляли с «княжеским саном»¹⁴.

Семантика многочисленных процедур, связанных с приготовлением и питьем пива, проявилась в создании особой песни, посвященной хмелю. Это своего рода гимн духу хмельного напитка, заключенному в растении. Божество – Хмель – вначале покоряется земледельцу, но в «пивной день», в праздник, берет реванш и бросает человека на землю, откуда когда-то сам он. Хмель, начал жизненный путь. Сюжет «Песни о хмеле» международный, у русских он встречается в разных жанровых формах: песенно-игровой (игра «Пивушком», «В чернеца» – «Варил чернец пиво», с изображением всего того, о чем поется в песне, включая пивную драку и заключительное примирение), песенно-эпической (например, в качестве застольной песни, исполняемой для развлечения пирующих), обрядовой (покушей во время варки пива). Известны также прозаические варианты сюжета, главным образом книжные: но «Притча о хмеле» (не в нравоучительной, осуждающей пьянство части, а в сюжетной, описывающей встречу человека с травой – хмелем – и их разговор друг с другом) явно тяготеет к фольклору. Фольклорен и сам образ Хмеля, наделенного чертами вездесущего пророка и внешностью всемогущего исполина: «Аз бо есмь силен, боле всех плодов земных, от корени есмь силног и многоплодног, и племяни великого, а мати моя сотворена Богом, а имею у себя ноги комки, а утробу не ожерчиву, а главу есмь имею високу, а язык многоглаголив, а ум розной, а очи обе имею мрачнии, завидлив, а сам яз спесив велми и богат, а руце мои держат землю всю»¹⁵. Утверждение Д.М.Балашова, что «Песня о хмеле» восходит к XVII в.¹⁶ не выглядит обоснованным уже в силу широких контекстуальных связей этого сюжета с разнообразными явлениями народной, прежде всего праздничной, культуры; можно предполагать более раннее формирование песни.

В заключение приведем два текста «Песни о хмеле» из архива Русского географического общества (РГО). Их ценность заключается не только в хорошей разработанности всех основных мотивов песни, но и в обстоятельном комментарии, позволяющем довольно живо представить себе особенности бытования этого своеобразного произведения народной словесности.

Владо Николаевич в статье «Остатки языческих жертвоприношений в Тихвинском уезде Новгородской губернии»

(Архив РГО, разряд 24, дело № 36) писал, что во время своего пребывания в деревне Большая Будогоща, лежащей в лесах, в стороне от дорог, на берегу реки Пчѣвжи, ему случилось быть свидетелем и участником празднования дня Успения Пресвятой Богородицы. Года своего посещения автор не называет, но по косвенным данным можно сделать вывод, что все описанное им относится к концу XIX в. За два-три дня до Успения крестьяне начинают варить пиво, разложив костры на крутом берегу Пчѣвжи. Всю ночь население деревни не спит, и берег оглашается веселыми криками, песнями. Старики хозяева хлопочут каждый возле своего чана. Молодежь поет песни, несмотря на то что еще не кончился пост. Одну из таких песен записал В. Николаевич от женщины-исполнительницы:

Зародился хмель в чистом поле,
В чистом поле, в косогоре.
Никто про меня, хмеля, не знает.
Как узнал деревенский мужичина-протячина.
Он лопышкой хмельёвой кореньё,
Посадил меня, хмеля, в огороде,
Засыпал сверху землю.
Лежал я, лежал я целу зиму.
Как настала весна красна, лето тёпло,
Распустил я хмельёвой кореньё.
Как пришел мужичина с топоринной,
Навострил мужичина-то тычину,
Потфрнул тычину в сыру землю.
Тут-то я, хмелюшко, срадовался –
По тычинушке подымался.
Как приходит первой праздник
– Успенёв день,
Пришел мужичина с ножичинной,
Подрезал хмельёвы долги ноги,
Тут я, хмелюшко, испужался,
От тычинушки опушался.
Захватили меня, хмелюшка, в охапку,
Принесли меня, хмеля, в черну избу,
Ощипали меня, хмеля, в корзинку.
Наварил мужичина сладко сусло,
Положили меня, хмеля, в сладко сусло –
Тут-то я, хмелюшко, срадовался,
За сладко сусельцо принимался.
Пришел мужичина со ставчинной*,
Выпил мужичина ставчину –
Начало мужичину поносити.
Поносило, поносило мужичину –
Он ударил в тын голову,
Утряпил в грязь бородаку.
“Ты, – говорит, –
Деревенской мужичина-протячина!
Не тебе со мной, хмелюшком, водиться.
Как купцы-то, бояра меня знают,
Крылошана-й тыи почитают,
Все по рюмочке выпивают,
По стаканчику наливают”.

Во время варки пива поют и другие песни. При свете костров женщины и ребята пробуют сусло. Веселье неопишное. Рано утром в Успение режут баранов, бедняки жертвуют одного барана от нескольких дворов. Заклание совершается за деревней на горе, где под обрывом на берегу реки стоит старая часовня в честь Успения Божьей Матери. После обедни из соседних сел жители стекаются “хлебать барана”. У часовни ставят столы, сколоченные из простых досок, для духовенства и почетных гостей. Прочая публика устраивается возле костров. После обедни приходит священник с причтом, служит молебен в часовне, благословляет трапезу и первым принимается за вареного барана. Пиво пьют после съедения барана, хотя иные успеют хлебнуть его и раньше. Затем расходятся по домам, веселье продолжается в течение трех дней.

Иначе исполнялась “Песня о хмеле” в городских условиях. Н. Головин в статье “Этнографическое описание города Белозерска, составленное учителем Белозерского уездного училища Николаем Головиным. 1853 года декабря 18” (Архив РГО, разряд 24, дело № 25, л. 114–116) писал: “Есть между горожанами краснобай или балагуры, которые зимою иногда забавляют собравшийся около них где-либо в доме дружный кружок. В числе малозначительных рассказов я записал следующие, по моему мнению, заслуживающие замечания:

Что не хмелюшко по высадам гуляет,
Что про хмелюшко Государь-царь знает,
Все князья и бояре его почитают,
Все священники-попы благословляют.
Без хмелюшка свадьбы не играют,
Без хмелюшка крестин не поднимают.
Кто подерется, побранится,
И тот ведь без хмеля не мирится!
Право, лих на меня мужик-садовник,
Право, лих на меня вор сиволапой!
По частешеньку в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Меня, хмелюшко, в сыру землю зарывает,
Застилает мои глазоньки соломкой,
Вотыкает в ретиво сердце тычинку.
Тут-то я, хмель, ведь догадался,
По тычинке я кверху извивался,
Я отострил бумажное своё листье,
Отпустил свои яровы шишки.
Только лих на меня мужик-садовник,
Только лих на меня вор сиволапой!
Почастешеньку в зеленой сад гуляет,
Из кармана вострый ножик вынимает,
Он подрезывает мои резвья ножки,
Опускает бумажное мое листье,
Обивает мои яровые шишки
И коптит меня, хмелюшка, во дыме.
Набивает меня, хмелюшка, во кипы
И возит меня, хмеля,
По торгам да по базарам.
Идя, всяк меня, хмелюшка, смотрит,
Всяк меня, хмеля, ковыряет.
А дождусь ли поры-время,
Того ли Петрова говинья?
Наварит мужик пьяного пива,
И я ударю его в тын головой,
Посажу в грязь и в навоз бородой.

Популярность этого “стихотворения” объясняет Н. Головин тем, что вблизи Белозерска “многие разводят хмель в большом количестве”, хотя, возможно, текст был усвоен из какого-нибудь песенника. В песенниках XVIII – начала XIX в. подобные тексты встречаются в очень похожих разработках, возникших, быть может, не без участия веселых людей – скоморохов, которых заменили на пирах и в застольях XIX в. местные “балагуры” и “краснобай”.

Примечания

¹ Архив Российского этнографического музея, ф. 7 (князя В.Н.Тенишева), оп. 1, № 694, л. 12–13; № 803, л. 2–3. Далее сокращенно: РЭМ.

² См.: *Молчанов С.К.* Описание Архангельской губернии. СПб., 1813. С. 192.

³ РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 833, л. 2 об. –3.

⁴ *Чулков М.Д.* Абевера русских суевений... СПб., 1786. С. 217–218.

⁵ См.: *Макаренко А.* Канун по сибирским селениям // Живая старина, 1907. Вып. 4. С. 181–193.

⁶ Цит. по: Конференция “Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд”: Тезисы докладов. М., 1985. С. 47.

⁷ См.: *Терещенко А.В.* Быт русского народа Ч. 1. СПб., 1848. С. 201–222.

⁸ См.: *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1984. С. 346.

⁹ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 378.

¹⁰ Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А.М.Астахова, В.В.Митрофанова, М.О.Скрипиль. М.: Л., 1960. С. 101, 104, 107.

¹¹ РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 780, л. 2.

¹² Архив Русского географического общества, разряд 24, № 33, л. 58. 62. Далее сокращенно: РГО.

¹³ РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 840, л. 8–9 об.

¹⁴ РГО, разряд 24, № 33, л. 65, 55, 62.

¹⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко / Под ред. Н.И.Костомарова. Вып. 2. СПб., 1869. С. 447.

¹⁶ См.: Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М.Балашова. М.: Л., 1963.

* Ставчина – деревянная чашка, подставляемая под край чана во время брожения пива. (Прим. собирателя.)